

наблюдаем абсолютную уверенность исследователей и публикаторов при выборе и изложении того или иного решения.

Приведу два примера, иллюстрирующих указанные две ситуации. Вот черновик, датированный предположительно декабрем 1832 года – листок с наброском, начинающимся словами «Желалъ я душу освѣжить...» (номер 184 в Пушкинском фонде Пушкинского Дома). Здесь мы видим два катрена, разделенные линией; основной текст первого: «Желалъ я душу освѣжить / Бывалой жизнию пожить / Въ забвеньи сладкомъ близъ друзей / Минувшей юности моей»; основной текст второго: «Я ѣхалъ въ дальные края / [Не шумныхъ <лакуна> жаждалъ я] / Искалъ не злата не честей / Въ пыли средь копій и огней». Именно в такой последовательности печатаются эти два катрена в третьем томе Большого академического собрания сочинений. Однако в дополнительном семнадцатом томе, в разделе коррекций, последовательность катренов изменена – на том основании, что по виду рукописи можно предположить, что Пушкин не остановился еще твердо на каком-то едином расположении набросанных стихов, а в отношении эстетическом инвертированный порядок катренов значительно совершеннее; то же решение уверенно поддерживается в упомянутой выше статье Аришштейна. – Здесь вызывает возражение не возможность указанной трактовки данного черновика, а ее категоричность в отношении такого рукописного чернового феномена, который по самой своей онтологии не может быть интерпретирован с полной определенностью. Я допускаю здесь возможность печатания данного черновика в инвертированном порядке катренов, но настаиваю на непременном указании в текстологическом примечании гипотетичности такого порядка и полном описании текстологической ситуации черновика. Отмечу, что сам бы я в основном тексте все-таки сохранил реальный порядок черновика – с указанием в текстологической справке возможности его инвертированного прочтения. Последняя авторская воля Пушкина нам, к сожалению, в данном случае неизвестна; возможно, ее вообще и не было.

* * *

М.Ю. Михеев

ТЕКСТОЛОГИЯ: СООБРАЖЕНИЯ УДОБСТВА ПРИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ РУКОПИСНОГО ТЕКСТА ИЛИ МАШИНОПИСИ НА ПЕЧАТИ

Современная техника печати с компьютера в значительной мере упрощает, делая, на мой взгляд, ненужными некоторые традиционно принятые в текстологии условные обозначения.

В частности, вместо таких условностей или даже ухищрений, принятых в данной дисциплине, как – передача зачеркнутых фрагментов текста [в квадратных скобках], а различных слоев авторской правки – **жирным** шрифтом, *курсивом* или как-то еще,¹⁶ сейчас в целях большей наглядности представляется оправданным перейти к использованию в печати ~~зачеркнутого шрифта~~. Таковой имеется в любом стандартном наборе шрифтов *Word'a*: с его помощью авторские зачеркивания в тексте, на мой взгляд, становятся гораздо

¹⁶ Например, светлым курсивом – так делается, по крайней мере, при издании рукописей «Котлована» Платонова (И.И. Долгов, СПб. 2000) или «Тихого Дона» Шолохова («Динамическая транскрипции» М. 2011).

более зримы. Собственно говоря, этому *де-факто* уже следуют многие из работающих с публикацией архивных документов.¹⁷

Для показа исправленного и вносимой правки в тексте удобно использовать также надстрочные внесения, располагая их – ^{над} текстом (тем словом, справа или слева, над которым они вписаны в рукописи).¹⁸

Для выделения конъектур, предполагающих реальную альтернативу, представляется логичным оставить угловые скобки, а для само собой разумеющихся (например, исправлений авторских описок или ранее уже прокомментированных регулярных ошибок) зарезервировать скобки квадратные.¹⁹

Так, из текстов-машинописей А.Гладкова (он постоянно делает ошибку в слове *реабилитация*, возводя ее, по-видимому, к корню *обелить*), в письме своему товарищу по Каргопольскому лагерю, Илье Соломонику, он пишет:

19 янв. 1967. (...) # Я уехал из Ерцева в самом начале великого Исхода – летом 1954 года, не по реаб[и]литации, а по частной амнистии. Это помешало мне прописаться в Москве, но не помешало ставить пьесы и печататься. Я нахально жил в Москве у себя дома и милиция мне препон не чинила. А потом подспела и полная реаб[и]литация.

Или на месте фразы из начала «Тихого Дона» (1-й главы 1-й части), когда турчанка, жена Прокофия Мелехова, оставляя на руках мужа только что родившееся дитя, умирает – после того, как ее чуть не зарезал хуторской казак Люшня (в черновике – Сурсан):

Прокофий, с трясущейся головой и остановившимся взглядом, кутал в овчинную шубу попискивающий комочек – преждевременно родившегося ребенка.

У этого места есть два черновых (1,2) и один беловой вариант рукописи (3), отличный от печатного, в которых правку текста можно, используя предлагаемые мной обозначения, отразить следующим образом:

1. ~~розовый~~^{смугло-}слизистый^{кричащий} комочек
2. ~~смугло-слизистый~~ попискивающий комочек
3. красно-слизистый попискивающий комочек

Или вот уже Платоновская правка: в фрагменте из «Котлована» в эпизоде, когда Вошев, разочаровавшись, уходит со строительства «общепролетарского дома» в деревню:

Несмотря на достаточно яркое солнце, было как-то нерадостно на душе, тем более что в поле простирался мутный чад дыханья и запаха трав. Он осмотрелся вокруг – всюду

¹⁷ Хотелось бы только еще пожелать друзьям-компьютерщикам – доработать соответствующие программы, чтобы филолог получил возможность избирательно показывать направление зачеркиваний (слева внизу – вверх направо / или наоборот, слева сверху – направо вниз \, или же крест-накрест X, а не только горизонтально, как это единственно возможно сейчас).

¹⁸ Хорошо бы сюда же добавить еще и возможность двойного надстраивания, для исправлений дважды исправленного. Впрочем, наверно можно и сейчас для этих целей приспособить уже не надстрочный, а подстрочный шрифт, т.е. взяв его, шрифт ^{подстрочный} для первого уровня правки; для второго использовать ~~строчный~~^{надстрочный}, а для третьего, например, ^{подстрочный} ~~надстрочный~~.

¹⁹ Обычно все купюры в тексте обозначаются многоточиями в угловых скобках: <...>. Мне кажется это слишком расточительно: разумнее было бы употреблять для этого простые скобки: (...) – все равно ведь как самостоятельный знак в ином значении, вместе с многоточием, они не используются.

над пространством стоял пар живого дыхания, создавая сонную, душную незримость; устало длилось терпенье на свете, точно все живущее находилось где-то посредине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление.

В рукописи (с.118) на месте подчеркнутых в этом фрагменте слов стояло:

(...) было как-то безвозмездно на душе, тем более, что в поле простирался ^{мутный} чад дыхания и запаха трав, и Вощев шел в этом ~~гнеющем облаке~~ ^{душном} ~~нагретом облаке~~ ^{шумном тумане} ~~жизни~~ ^{тужащейся} ~~труд[нрзб]~~ ^{потеещей в труде своего роста} ~~взволнованной жизни~~ ~~нижней жизни~~ ~~шумном тумане~~ ^{жизни,} ~~существующей и истощающей.~~

На мой взгляд, такая нотация более наглядна и соответствует духу текстологии.